

УДК 316.334.5

Свобода как условие политического развития России

Н.А. Баранов

Факультет международной коммуникации Балтийского государственного технического университета, кафедра политологии

Аннотация. В статье предпринята попытка теоретического осмысления феномена свободы как важнейшего элемента политического развития России, необходимого условия формирования раскрепощенной личности, способной использовать свободу для развития своих способностей и потенциальных возможностей, необходимых для влияния на политическую власть в целях повышения ее эффективности и ответственности.

Abstract. In the paper the author tries to understand the phenomenon of freedom as one of the most important element of political development in Russia. Freedom is a necessary condition for emancipated personality capable of exercising the freedom for self-development and seizing opportunities necessary to affect the political power for improving its effectiveness and accountability.

1. Введение

Россия находится на пути создания "свободного общества свободных людей", т.е. общества, которое ставит в центр своего внимания человека, его интересы и проблемы. Свобода является важнейшим элементом как общественного благосостояния, так и политического могущества, так как через решение проблем личности, общества реализуются общенациональные задачи. Однако практика современного государственного строительства свидетельствует о том, что граждане не только не дорожат свободой, но и зачастую не умеют ею распорядиться, вследствие чего повсеместно наблюдается засилье бюрократического аппарата, препятствующего проведению демократических реформ. Чрезмерное развитие административной системы неизбежно грозит существованию свободы, потому что административные учреждения занимают или пытаются занять позицию монополий в своей области и являются препятствием любой попытке частной инициативы.

Задачами исследования являются сравнительный анализ исторической трансформации свободы во взглядах зарубежных и отечественных мыслителей, анализ данного феномена как важнейшего элемента политического развития современного общества, свободного от деспотии, обоснование актуальной потребности в свободе для гражданина современной России.

2. Исторический обзор проблемы

Прорыв в свободное общество России дается с большим трудом. Аналогичные проблемы стояли перед российским государством в XIX и в начале XX вв., когда самодержавие препятствовало проведению прогрессивных преобразований в стране. Даровав народу гражданскую свободу в 1861 г., император не подкрепил этот шаг свободой политической, в связи с чем *Б.Н. Чичерин* (1900) за подписью "русский патриот" писал: "Провозглашение всеобщей гражданской свободы есть знак, что общество созрело и может стоять на своих ногах, за этим неизбежно должна следовать свобода политическая. Раньше или позднее это совершится, зависит от местных и временных условий; но это непременно должно быть, ибо это в порядке вещей". Самодержавие оказалось не в силах дать обществу то, что приобретает свободу, но и общество не могло добиться ограничения власти самодержца, что позволило теоретику отечественного либерализма написать: "Общество, привыкшее ходить на помочах, никогда не разовьет в себе той внутренней энергии, той самостоятельности, без которых нет высшего развития... Государство, в котором задерживается общественная самостоятельность, не в состоянии тягаться со свободными странами, где все общественные силы развиваются на полном просторе и призываются к содействию общей цели".

Общинный характер жизненного устройства в значительной степени повлиял на развитие России. Он явился препятствием на пути развития личности, так как ограничивал свободу человека, а в целом – общественно-политическое развитие государства. Однако некоторые исследователи (*Ю.К. Бегунов, А.В. Лукашев, А.В. Пониделко*) считают, что именно в России всегда существовала подлинная свобода, "не подчиненная игу общественного мнения", которая находилась в рамках православной нравственности. По их мнению, в связи с тем, что собственность была общинной, свобода не ограничивалась

технологическим давлением корпоративных групп собственников. "Русский народ, резюмируют они, – по своей природе не может жить без свободы и духовных идеалов..." (Бегунов и др., 2002).

Тем не менее, значительная часть исследователей считают, что в России отсутствовала, как массовый тип, автономная личность, сознательный индивид, который был бы способен договориться на разумных началах со всеми остальными как по поводу собственных, так и общих интересов. Русский философ Н.А. Бердяев (2000) писал о том, что "пафос социального равенства всегда подавлял у нас пафос свободы личности". Торжествовала безответственная теория социальной среды, в которой права личности не связывались с обязанностями и ответственностью. Свобода же существует только в обществе, в котором утверждается терпимость, где люди, как пишет Р. Дарендорф (1998) "относятся с уважением друг к другу и, что еще важнее, способны на самостоятельные поступки".

Свобода очень опасный феномен для власти – свободный человек неудобен, он слишком самостоятелен, у него много потребностей, с ним приходится согласовывать свои действия или, наоборот, оправдываться за непродуманные решения. Свободы добиваются активные люди, она не дается человеку государством просто так, как подарок, ее нужно завоевать. За свободу боролись и умирали во все века человеческого существования.

Первоначально свобода означала освобождение от рабского труда, затем – избавление от крепостной зависимости. В конце XVII – начале XVIII века она означала освобождение от деспотического династического правления, в XIX в. – освобождение промышленников от унаследованных из прошлого правовых обычаев, сдерживающих развитие новых производительных сил. Сегодня она означает освобождение от материальной необеспеченности и от принуждения, мешающих большинству приобщаться к имеющимся огромным культурным ресурсам.

В Древней Греции и в Древнем Риме свобода была представлена в праве граждан активно участвовать в управлении государством. При этом ущемлялись индивидуальные свободы, которыми дорожит современный человек: свобода вероисповедания, личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища. Свобода заключалась в повиновении законам: гражданин всецело принадлежал государству и обладал теми правами, которые признавал за ним закон. Но были философские течения циников и стоиков, которые обосновывали необходимость полной свободы личности от государственных уз в целях самосовершенствования и самоудовлетворения.

С возникновением христианства особую остроту приобрела проблема духовной свободы суверенной личности. Необходимость перестает быть неволей, а свобода – произволом. Иррациональный, но в то же время сознательный акт обретения христианской добродетели – новый аспект свободы.

В эпоху Средневековья проблема свободы трактовалась исключительно в теологическом плане. В то же время светские гражданские свободы начали понемногу возрождаться в виде завоеванных различными социальными группами привилегий (Великая Хартия вольностей, городское самоуправление, уставы Университетов и т.п.). Вольтер (1995) так писал об этом времени: "...свобода родилась в Англии из споров тиранов, бароны вынудили Иоанна Безземельного и Генриха III даровать знаменитую Хартию, непосредственной целью которой было... поставить королей в зависимость от лордов, но согласно которой остальная часть нации получила некоторые поправки... Эта великая Хартия, рассматриваемая как священный принцип английских свобод, сама позволяет понять, сколь мало тогда была знакома свобода".

Высвобождение общества из-под контроля и диктата Церкви произошло в эпоху Реформации и ранних буржуазных революций. Происходит секуляризация общественного сознания, выражающаяся в обосновании естественной свободы человека, заключающейся в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле другого человека, а руководствуется только законами природы. Современник английской революции Дж. Локк связывал свободу человека в обществе с общим для всех граждан законом. "Там, где нет закона, нет и свободы, – констатирует английский философ и продолжает, – ...свобода состоит в том, чтобы не испытывать ограничения и насилия со стороны других, а это не может быть осуществлено там, где нет закона. Свобода не является свободой для каждого человека делать то, что он пожелает...; она представляет собой свободу человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью" (Локк, 1988).

Ж.Ж. Руссо соединяет идею свободы с народным суверенитетом. Каждый индивид передает свои права и свободы в пользу целого и сам превращается в часть этого целого, которое воплощает общую волю всех граждан государства. По общественному договору он теряет свою естественную свободу, а приобретает свободу гражданскую, ограниченную общей волей. Руссо особо выделяет моральную свободу, которая делает человека действительно свободным. Общая воля – это сложный конгломерат, образованный из агрегирования интересов различных индивидов и социальных групп, которые добровольно отказываются от своих узких эгоистичных целей во имя общей воли. Всесилие

большинства – максима, подвергнутая критике со стороны либеральных мыслителей. Так, в 1815 г. французский мыслитель Бенжамен Констан (1767-1830) в своей работе "Принципы политики" писал: "Ошибка Руссо превратила «Общественный договор», на который столь часто ссылаются сторонники свободы, в самого ужасного пособника всех видов деспотизма" (Констан, 2000). Такая оценка либерального философа была продиктована опытом Великой Французской революции, что в дальнейшем подтвердилось и в российской революционной практике. Герберт Спенсер (1908) уточняет положение Руссо: "члены ассоциации обязываются лично за себя подчиняться воле большинства во всех делах, касающихся выполнения целей, ради которых они вступили в сообщество, но не в виду каких-либо иных целей". В качестве целей, способствующих объединению людей, предполагается, прежде всего, защита собственности и создание условий, необходимых для безопасного проживания.

Со свободой связывается не только возможность гражданина участвовать в государственных делах, но и личное благополучие индивида. Согласно И. Бентamu (1998), критерием оценки любого закона и любого управленческого действия является его вклад в достижение "наибольшего счастья наибольшего количества людей": "Известная мера правительств... может быть названа сообразной с принципом полезности..., когда стремление... увеличить счастье общества бывает больше, чем ее стремление уменьшить это счастье". Вторит ему британский философ Г. Самуэль (2000), утверждающий, что долгом государства является обеспечение всех граждан возможностью "вести наилучшую жизнь".

Бенжамен Констан (1995) идет дальше, связывая благополучие с просвещением: "Народ устремляется к свободе, поскольку он настолько просвещен, что именно в ней видит гарантии благополучия". Его всецело поддерживает английский либеральный мыслитель Исайя Берлин, который убежден в том, что к свободе стремятся лишь цивилизованные личности. Народ же не желает свободы, так как это стремление неразрывно связано с цивилизацией или с образованием, которые требуют больших усилий и без которого "отдельная личность не может реализовать все свои потенции" (Берлин, 2001).

Стремление к свободе в западных странах выразилось в принципах экономического либерализма, политической демократии, отделения церкви от государства и индивидуализма в личной жизни. Некоторые мыслители (А. Смит) считали главным источником общественного благосостояния и основным условием социального прогресса деятельность индивидов, максимально освобожденных от политических ограничений, причем, чем больше простора получает индивид для развития своих способностей, тем быстрее будет двигаться вперед общество в целом. Они считали, что каждому индивиду присуще стремление к улучшению собственного материального положения, которое реализуется им через труд, направленный на удовлетворение естественных потребностей. Общественное же благосостояние достигается благодаря тому, что, взятые в совокупности, усилия отдельных индивидов приводят к увеличению товаров и услуг, предоставляемых в распоряжение всех людей и общества в целом. Как пишет современный немецкий политолог Д. Деринг (1996), "без экономической свободы немислима никакая другая свобода".

Профессор конституционного права Парижского университета Ф. Люшер (1993) дает такое определение свободе личности: "это право индивида вести подобающий ему образ жизни, т.е. выбирать в жизни то, что ему представляется наиболее подходящим". Свобода личности предполагает право беспрепятственного передвижения и право на частную жизнь, которое включает в себя право на семейную жизнь и право располагать своим достоянием.

Позиции и привычки свободных людей формируются лишь постепенно. Свобода не для каждой личности является первой потребностью. Патерналистское отношение к государству, ожидание от власти благ, низкая личная инициатива – характерная черта российского человека, которая формировалась веками и стала следствием общинного характера жизни и производства. Коллективизм у российского человека выражен сильнее, чем у других народов. Жизнь в коллективе прививала людям неприятие общего врага, мужество в отстаивании прав этого сообщества. В то же время коллективизм сковывал инициативу человека, который доверял коллективу свою судьбу и свое благополучие, связывал с ним свои стремления. Свобода становилась второстепенной в иерархии жизненных потребностей, вследствие чего становилась возможной тирания со стороны власти. Более того, по мнению русского философа С.Л. Франка, человек был способен отказаться от своей свободы и стать "винтиком" общественной машины, безличной средой действия общих сил "ради плановности и упорядоченности своего хозяйства и справедливого распределения хозяйственных благ" (Франк, 1992).

Ги Эрмэ предупреждает, что, быстро превратившись в привычку раз и навсегда приобретенного, "свобода может быстро потерять свою привлекательность, внешне принося меньше непосредственных благоденствий, чем от нее ожидали, и даже может показаться менее удобной, чем безопасность в условиях подчинения, которую, казалось, обеспечивала недавно исчезнувшая авторитарная система" (Эрмэ, 1994).

Ценность свободы резко снижается, если нет условий для того, чтобы ею воспользоваться. Поэтому угроза свободе исходит от самого народа. Немецко-американский психолог, социолог, философ

Эрих Фромм с сожалением признавал, что в Германии во времена фашизма "миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее; они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться; другие миллионы были при этом безразличны и не считали, что за свободу стоит бороться и умирать" (Фромм, 1989). Это явление он назвал "бегством от свободы", суть которого заключается в том, что ломка традиционных структур, резкое увеличение темпов горизонтальной и вертикальной мобильности, "атомизация" общества лишает людей привычной системы ориентаций, что вносит неопределенность в поведение индивида. На человека ложится ответственность за решения относительно его собственной судьбы. В итоге одинокий, растерянный, дезориентированный человек оказывается не в состоянии выносить бремя свободы, и он пытается найти стабильность и чувство уверенности в себе, жертвуя свободой в обмен на ощущение определенности, возникающее в жесткой авторитарной или тоталитарной системе, перекаладывая всю полноту ответственности за принятие решений на режим или вождя.

Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы, полагал Локк (1988), это "соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества". То есть, чтобы избежать неудобства естественного состояния, люди объединяются в гражданское общество, в котором каждый берет на себя обязательство подчиняться решению большинства. Р. Дарендорф (1998) назвал гражданское общество "жизненной средой свободы". Это общество, в котором есть свободные ассоциации граждан, действующие автономно от государственной власти и связанные с ней только законом. Причем таких добровольных объединений должно быть много, чтобы правам индивидов или меньшинств не угрожали никакие комбинации, образующиеся внутри большинства.

Но для того, чтобы общество действительно было свободным, этих условий еще недостаточно. Необходимо определенное гражданское сознание, которое определяет способность людей, объединенных в данное сообщество, решать свои проблемы ненасильственно, быть толерантными друг к другу, инициативными и не ожидать, когда государство что-то соизволит сделать для общества, а делать самим или, в случае невозможности, добиваться у власти принятия соответствующих решений. Активная позиция человека является препятствием на пути узурпации власти государством, которое всегда стремится к увеличению объема своих полномочий и с трудом расстается с властью. Но гражданские общества не создаются, по выражению Дарендорфа (2002), "за одну ночь". Гражданское общество является воплощением таких ценностей, как доверие, сотрудничество, терпимость, в котором граждане ведут себя по отношению друг к другу цивилизованно – качества, дефицит которых особенно болезненно ощущается в современной России. Это общество, обеспечивающее своим членам чувство принадлежности и защищающее конституцию свободы.

Именно в конституции закрепляются основные положения, связанные с гражданскими и политическими свободами. Однако сами по себе конституционные положения не гарантируют их реализации. Конституция СССР образца 1936 г. по содержанию была демократичной, но это не помешало Сталину и его окружению творить беззакония и попираť свободу личности. Оксфордский профессор-политолог Л. Зидентоп (2001) сравнивает конституции с айсбергами, у которых наиболее важная часть скрыта под поверхностью воды, поэтому, изучая их, "довольно легко разобраться в принципах и правилах, изложенных в письменном тексте" и "гораздо труднее исследовать подходы и привычки, которые либо превратят текст в действующую конституцию, либо обесценят его". Видный деятель русского либерализма К.Д. Кавелин (1997) был убежден в том, что "конституция только тогда имеет какой-нибудь смысл, когда носителями и хранителями ее являются сильно организованные, пользующиеся авторитетом, богатые классы. Где их нет, там конституция является ничтожным клочком бумаги, ложью, предлогом к самому бессовестному, бесчестному обману".

Для современной российской действительности это означает наличие сильного среднего класса, который мог бы на равных вести диалог с государством. Там же, где одна из сторон – слабая, властвовать и предписывать законы будет сторона сильная.

Человек по природе своей является членом сообщества и – как часть целого – должен отказаться от счастья и свободы там, где они мешают благу общества. Но в то же время, задается вопросом шотландский мыслитель эпохи Просвещения А. Фергюсон (2000), "если главной целью существования индивидов является благо общества, то верно и то, что великой целью гражданского общества является счастье индивидов: ибо как может благоденствовать общество, если каждый из составляющих его членов является несчастным?"

Свобода не может быть абсолютной. Берлин (2001) предостерегает, что "абсолютная свобода для волков – это смерть для овец". Поэтому свободу сильных необходимо ограничивать, чтобы предоставить каждому человеку возможность достойно существовать.

Главный лозунг первых либеральных революций – "свобода и равенство" – взаимосвязан и противоречив. С одной стороны, он предоставляет личности равенство в реализации свободы, с другой стороны, ограничивает возможности сильных, т.е. свободу, в пользу более слабых, уравнивая их. Для того чтобы общество претендовало на название цивилизованного, эти две тенденции вынуждены ужиться вместе. Н.А. Бердяев убежден, что между свободой и равенством существует не гармония, а непримиримый антагонизм, в связи с чем мечта о гармоническом сочетании свободы и равенства есть неосуществимая рационалистическая утопия. "Свобода есть прежде всего право на неравенство – пишет выдающийся русский философ. – Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы. Свобода связана с качественным содержанием жизни. Равенство же направлено против всякого качественного различия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвышение" (Бердяев, 2000).

3. Феномен свободы в современном российском обществе

В России в 1990-х гг. была осуществлена попытка реализации превосходства свободы над равенством, что привело к резкой дифференциации общества, появлению большого количества недостаточно обеспеченных людей. Бедный человек не может быть свободным. Он несвободен в выборе средств к существованию, чувствует себя ущемленным и неуверенным в решении вопросов как личного, так и профессионального характера. "Пока каждый человек не может жить свободной от элементарной нужды и страха жизнью, – считает Дарендорф (1998) – конституционные права остаются пустым обещанием, и даже хуже – циничной уловкой, скрывающей фактическую защиту привилегий". Российские либералы еще в XIX в. призывали власть во что бы то ни стало поднять благосостояние народа, связывая уровень жизни с обеспечением гражданской свободой. В то же время российский либеральный публицист Р.И. Сементковский подчеркивал, что "свобода сама по себе не есть еще благо; она служит только средством для достижения известных благ". Этим средством необходимо пользоваться, чтобы оказывать воздействие на власть, предотвращая ее наступление на свободу.

Людей, познавших вкус свободы и ощутивших собственные права, не просто убедить мириться с посягательствами на свои завоевания. Власть всегда стремится расширить ареал своей деятельности, поэтому общество должно указать четкие границы ее полномочий. Английский либеральный мыслитель Джон Стюарт Милль (1900) понимал проблему свободы как определение пределов вмешательства государства и общества в личную жизнь индивида: "Не свободно то общество, какая бы ни была его форма правления, в котором индивидуум не имеет свободы мысли и слова, свободы жить, как хочет, свободы ассоциаций, – и только то общество свободно, в котором все эти виды индивидуальной свободы существуют абсолютно и безразлично одинаково для всех его членов". Такие условия может создать государство, важнейшей функцией которого, по мнению английского философа, социолога, политика Л. Гобхауса (2000), является "обеспечение условий, при которых его граждане способны добиться своими собственными усилиями всего, необходимого для достижения ими полной гражданской эффективности". При этом применение политической власти считается обоснованным только тогда, как считает английский философ Дж. Ролз, "когда она применяется в соответствии с конституцией", одобренной свободными и равными гражданами "в свете принципов и идеалов, приемлемых для их общечеловеческого разума" (Rawls, 1993).

"Свобода есть право делать все, что дозволено законами", – утверждал великий французский просветитель Ш. Монтескье (1995). Эту идею развивали многие как западные, так и отечественные мыслители. Так, Б.Н. Чичерин (1997) считал, что личная свобода человека, "будучи неразрывно связана со свободой других, может жить только под сенью гражданского закона, повинуюсь власти, его охраняющей".

Л. Гобхаус (2000) также полагал, что свобода "как благо есть не такая свобода, которая получена за счет других, но такая, которой могут обладать все вместе, и мерилем такой свободы является полнота ограничения всех в возможности причинения ущерба друг другу посредством закона, обычая или собственного чувства".

Признание всеми общих принципов, как средства создания порядка в общественных делах, необходимо потому, что человек не может обладать всей полнотой знаний и оценкой всех обстоятельств. Поскольку люди не всеведущи, единственный способ предоставить индивиду свободу – это общие правила, определяющие ту сферу, где решение принадлежит ему самому. Рассуждая о вмешательстве государства в дела индивида, английский экономист Ф. Хайек (2000) утверждает, что не может быть свободы, "если управление не ограничено конкретными видами действий", в то же время оно вправе использовать для достижения определенных целей свою власть любым законным способом.

Но кто определяет границы возможного вмешательства государства в жизнь человека, кому доверено право определять их? В демократическом государстве издание законов является прерогативой

парламента – представительного органа власти. В данном контексте Г. Спенсер (1908) предупреждает о возможных "грехах законодателей", заключающихся в недобросовестности представителей народа, не вникающих глубоко в общественные проблемы и потому принимающих законы, которые могут принести "вред", поэтому "...многочисленные ограничительные акты не могут быть оправданы тем, что исходят от избранного народом института...". Практика законотворческой деятельности современного российского парламента является ярким свидетельством актуальности данного утверждения. Критерием эффективности исполнительной власти, по мнению английского либерального мыслителя, является тот же: "...Свобода, которой пользуется гражданин, должна измеряться не сущностью правительственного механизма..., но меньшим сравнительно числом наложенных на него ограничений..." (Спенсер, 1908).

С точки зрения немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, свобода индивида оказывается связанной со свободой всех других не только негативно, через взаимные ограничения, но и через осознание каждым индивидом своего участия в процессе законотворчества: "В ассоциации свободных и равных все должны иметь возможность понимать себя в качестве авторов тех законов, связанность с которыми каждый в отдельности ощущает как их адресат" (Хабермас, 2001). Такой подход предполагает активное участие граждан в политическом процессе, их убежденность в том, что каждый человек будет услышан властью, и посредством компромиссов может быть выработано взаимоприемлемое решение.

Русский историк, политик С.А. Котляревский (1997) идет дальше, предполагая, что одного механического повиновения граждан государственному закону недостаточно, от них требуется большее, а именно: "такая степень солидарности и подчинения своих интересов общему благу, которая не может охватываться никакой правовой нормой".

Моральная составляющая свободы является более значимой, по мнению ряда отечественных исследователей, чем материальная или правовая, на которой основывался классический либерализм. Русский философ П.И. Новгородцев писал (2000): "Самоопределяющаяся личность – это тот пункт, тот фокус, преломляясь в котором общественные цели и требования приобретают нравственный характер". С.Л. Франк (1992) еще больше усиливает нравственный акцент, утверждая, что "всякий отказ от свободы есть духовное самоубийство". В то же время игнорирование материальной и правовой основ свободы способствовало развитию безответственности, так как ответственность перекладывается, по Н.А. Бердяеву (2000), "на количественную механику масс", что позволило ему констатировать: "Только ответственный – свободен и только свободный – ответственен".

Духовная свобода русского человека является даром Божиим, но она подвержена опасностям: с одной стороны, способна творить и беззаветно любить; с другой – существует тяга к беззаконию, безвластию, произволу. Но изменить этой свободе, как считает И.А. Ильин (1996), "значило бы отречься от этого дивного дара и совершить предательство над собою". Выход великий русский философ видит в дисциплине, которая "без свободы мертва и унизительна", в то время как "свобода без дисциплины есть соблазн и разрушение".

Обратной стороной свободы является деспотия. Тот народ, который не ценит преимущества свободы, готов променять ее на сытую и беззаботную жизнь, который живет ожиданиями подачек со стороны власти, не проявляя решительности в отстаивании своих интересов, становится поработленным собственным государством. Фергюсон (2000) писал: "Тот, кому на долю выпадет управление инертным или смиренным народом, будет непрестанно расширять свою власть над ним. Каждый новый закон, каждая мера, предпринимаемая государством... будет укреплять его авторитет и выставлять его в глазах общественности единственной значимой фигурой, объектом страха и уважения". Такой народ не осознает, что становится объектом деспотии, это позволило Берлину (2001) констатировать: "триумф деспотизма наступает тогда, когда рабы говорят, что они свободны". Такая ситуация напоминает социалистическую действительность, когда большинство советских людей искренне верили в то, что являются свободными, не осознавая масштабов тирании над собой. Все, что уничтожает индивидуальность, является деспотией, какую бы форму она ни принимала. В советское время деспотия приняла форму тоталитаризма, освободиться от которого не просто, так как даже после падения тоталитарного режима, по мнению И.А. Ильина (1994), "долголетний моральный разврат будет преодолеваться медленно, ибо люди отвыкают от лояльности, прямоты, мужества, самостоятельности, независимых убеждений, правдивости, взаимного убеждения и доверия". Поэтому все попытки ввести в стране демократию будут обречены на провал.

А была ли для России актуальной потребность в свободе? Объективно-исторические условия свидетельствуют о том, что потребности в индивидуальной свободе в русской истории не было. Одной из причин индифферентного отношения к свободе является идеал управления для российского человека, который заключается в сильной единоличной власти. В своих "Философических письмах" П.Я. Чаадаев (1991) писал, что российский народ принадлежит к тем народам, "которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру". Поэтому

общепризнанное благо – свобода – значительной частью общества не востребована, потому что люди не знают, что с ней делать, зачем она им нужна, как они могут ей распорядиться. Исходя из российского опыта, *И.А. Ильин* (1995) пришел к следующему выводу: "Чтобы приучить людей к свободе, надо давать им столько свободы, сколько они в состоянии принять и жизненно наполнить, не погубляя себя и своего государства; безмерная и непосильная свобода всегда была и будет сущим политическим ядом".

Исторически свободное выражение мысли в России беспощадно подавлялось. Но после объявления советским партийным руководством политики гласности и вступления государства на путь демократического социализма свобода стала доступна обществу. За прошедшие полтора десятилетия российский народ испытал на себе "экономическую свободу", которая привела к резкой дифференциации общества и появлению большого количества бедных людей, "политическую свободу", при которой власть не хотела слышать, что говорит гражданское общество, вводя избирателей в заблуждение своими популистскими лозунгами и демагогическими приемами, "культурную свободу" как отказ от всех морально-этических норм и правил. Свобода для российского гражданина в современной политической жизни – это свобода от нужды, от чиновничьего произвола, от коррумпированной власти, от государственного принуждения, от сложившихся за многие годы во многих поколениях стереотипов, препятствующих развитию инициативной личности, способной решать задачи самостоятельно без опоры на государство.

Но истинная свобода – это не только "свобода от", характеризующаяся отсутствием притеснения. Это "свобода для" – свобода быть независимым, проистекающая из желания быть хозяином самому себе и иметь возможность создавать такое государство, которое заботится о своих гражданах, а граждане могли бы отвечать взаимностью, что позволило бы направить политический процесс в созидательное русло.

Берлин (2001) называл "свободу от" негативной свободой, а "свободу для" – позитивной, т.е. свободой для того, "чтобы вести определенный, предписанный образ жизни" и проистекает она "из желания быть хозяином самому себе". Негативная свобода является формальной гарантией того, что саморазвитию личности не будут чинить препятствий, а выражением позитивной свободы является реальная способность свободного индивида создавать собственное государство.

Представляется очевидным, что развитие современного российского государства невозможно без свободного гражданина, разумно сочетающего в себе и в жизни свободу и ответственность. Характерная для России "воля без ответственности" должна уйти в прошлое, уступив место правовому сознанию.

В то же время является актуальным предупреждение американского судьи Брандеса, утверждавшего, что "величайшая угроза свободе – инертный народ" (*Дьюи*, 2000).

Активная созидательная личность является необходимым условием политического развития России, личность, для которой стремление к свободе, к самораскрепощению будет сопровождаться повышением эффективности и ответственности политической власти, что, в конечном счете, позволит создать государство, способное предоставить людям свободу для развития своих способностей и потенциальных возможностей.

4. Заключение

Эволюция свободы исторически происходила в направлении возрастания индивидуальной потребности в расширении прав и свобод личности, преодолении патерналистских настроений, особенно характерных для российского общества. Препятствием для развития потребности в свободе являлись неуверенность в завтрашнем дне, связанная с коренными преобразованиями в обществе, готовность переложить ответственность на государство, что приводило к деспотии со стороны власти и резкому ограничению свободы личности.

Стремление к свободе предполагает наличие гражданского сознания у значительной части общества, которое формируется с учетом традиционных особенностей социума. В России длительное время такой потребности не было, что явилось причиной длительного авторитарного правления. Современное политическое развитие невозможно без раскрепощенной личности, ответственной за свои действия и способной контролировать власть. Свобода способствует развитию личности, формированию гражданственности, а гражданин повышает потенциальные возможности политической власти своим активным участием в политической жизни.

Литература

Rawls J. Political liberalism IV. N.Y., p.137, 1993.

Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В. 13 теорий демократии. СПб., Издательский дом "Бизнес-пресса", с.45, 2002.

- Бентам И.** Введение в основания нравственности и законодательства. М., "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), с.11, 1998.
- Бердяев Н.А.** Судьба России. Сочинения. М., ЭКСМО-Пресс, с.465, 605-606, 2000.
- Берлин И.** История свободы. Россия. М., Новое литературное обозрение, с.102, 2001.
- Берлин И.** Философия свободы. Европа. М., Новое литературное обозрение, с.18, 136, 176, 2001.
- Вольтер Ф.М.** Философские письма. В сб.: *О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли.* М., Наука, с.71, 1995.
- Гобхаус Л.** Либерализм. В сб.: *О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века).* М., Прогресс-Традиция, с.119, 145, 2000.
- Дарендорф Р.** После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М., "Ad Marginem", с.58, 61, 239, 1998.
- Дарендорф Р.** Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), с.64, 2002.
- Дёринг Д.** Либерализм: размышления о свободе. М., Комплекс-Прогресс, с.22, 1996.
- Дьюи Д.** Либерализм и социальное действие. В сб.: *О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века).* М., Прогресс-Традиция, с.368-369, 2000.
- Зидентоп Л.** Демократия в Европе. М., Логос, с.37-38, 2001.
- Ильин И.А.** Избранное. Смоленск, Изд-во "Посох", с.143, 1995.
- Ильин И.А.** О России. М., "Российский архив", с.8, 1996.
- Ильин И.А.** Наши задачи. Волгоград, с.16, 1994.
- Кавелин К.Д.** Чем нам быть? В сб.: *Опыт русского либерализма. Антология.* М., Канон, с.108, 1997.
- Констан Б.** Об узурпации. В сб.: *О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли.* М., Наука, с.213, 1995.
- Констан Б.** Принципы политики. В сб.: *Классический французский либерализм.* М., "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), с.29, 2000.
- Котляревский С.** Предпосылки демократии. В сб.: *Опыт русского либерализма. Антология.* М., Канон, с.231, 1997.
- Локк Дж.** Два трактата о правлении. Соч. В 3 т. М., Мысль, т.3, с.293, 317, 1988.
- Люшер Ф.** Конституционная защита прав и свобод личности. М., Издательская группа "Прогресс"- "Универс", с.89, 1993.
- Милль Д.** О свободе. СПб., Изд-е книгопродавца И.П. Перевозчикова, с.23, 1900.
- Монтескье Ш.** О духе законов. В сб.: *О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли.* М., Наука, с.74, 1995.
- Новгородцев П.И.** Нравственный идеал в философии права (К вопросу о возрождении естественного права). В сб.: *Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века).* М., Прогресс-Традиция, с.626, 2000.
- Самуэль Г.** Либерализм. Опыт изложения принципов и программы современного либерализма в Англии. В сб.: *Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века).* М., Прогресс-Традиция, с.80, 2000.
- Спенсер Г.** Личность и государство. СПб., "Вестник знания", с.13-14, 63, 1908.
- Фергюсон А.** Опыт истории гражданского общества. М., "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), с.107, 374, 2000.
- Франк С.Л.** Духовные основы общества. М., Республика, с.115, 116, 1992.
- Фромм Э.** Бегство от свободы. М., Прогресс, с.14-16, 1989.
- Хабермас Ю.** Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., Наука, с.196, 2001.
- Хайек Ф.** Индивидуализм истинный и ложный. В сб.: *О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века).* М., Прогресс-Традиция, с.399, 2000.
- Чаадаев П.Я.** Философические письма. В сб.: *Избранные сочинения и письма.* М., Правда, с.28, 1991.
- Чичерин Б.Н.** Конституционный вопрос в России. СПб., Типография "Товарищества Печатного Станка", с.7, 1906.
- Чичерин Б.Н.** Различные виды либерализма. В сб.: *Опыт русского либерализма. Антология.* М., Канон, с.48, 1906.
- Чичерин Б.Н.** Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, Издание Гуго Штейнница, с.166, 1900.
- Эрмэ Г.** Культура и демократия. М., АО "Издательская группа "Прогресс", "Экспорт", с.168, 1994.